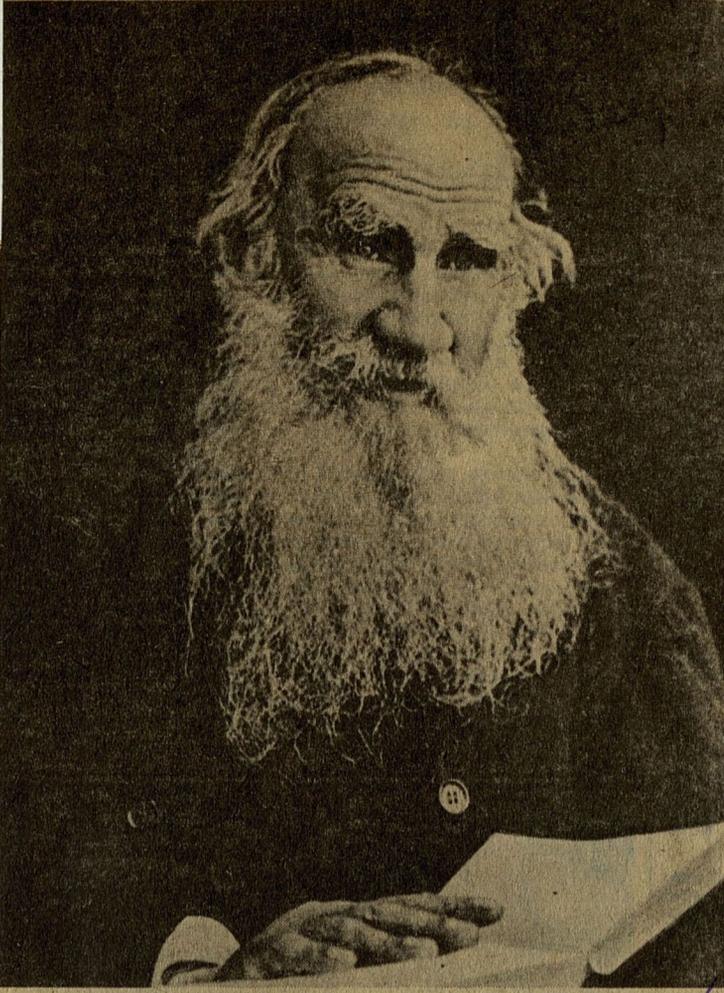

С ЕХ И — НА ВСЕГДА»

М. ГОРЬКИЙ

Г л у б и н ы и с т о р и и и ж и з н и

На снимке: Л. Н. Толстой. Фотография 1910 г.

П О С Л Е Д А М «В О Й Н Ы И М И Р А»

Между Фуркасовским переулком и улицей Мархлевского находится красивое здание, украшенное фигурами атлантов. Фасад его обращен на улицу Кирова, числится оно под номером 7. Здание принадлежало некогда известному библиофилу А. Д. Черткову.

Человек круга декабристов, Чертков был знаком и с Пушкиным. Обширная книжная коллекция привлекала в его дом московских литераторов и ученых. В 1859 г. на основе огромного частного собрания рукописей, картин и книг была создана так называемая Чертковская библиотека, мало уступавшая Румянцевскому музею. При библиотеке стал издаваться первый в России исторический журнал «Русский архив». Собрание А. Д. Черткова насчитывало 21.350 томов уникальных книжных изданий, не считая редчайших рукописей, фонд которых постоянно пополнялся. И хотя владельцем роскошных палат и самой библиотеки считался знатный московский барин, заведовал ею и был известен всему московскому ученому миру Петр Иванович Бартнев, хромой архивариус, один из первых пушкинистов. Он же был издателем «Русского архива», который бессменно редактировал 49 лет, с 1863 по 1912 г. Познакомившийся со стариком Бартневым уже в 1909 г. поэт Б. А. Садовский отмечал в своих неопубликованных мемуарах: «О Державине он упоминал как о добром знакомом (...) Жуковский приглашал его в домашние наставники для своих детей (...) Было как-то странно и страшно беседовать с человеком, знавшим современников Екатерины Великой. Ему Чаадаев рассказывал про лицейские проказы Пушкина. С ним Гоголь говорил о переводе «Одиссеи» за чайным столом у Сергея Тимофеевича Аксакова».

Валерий Яковлевич Брюсов, которому довелось несколько лет секретарствовать в «Русском архиве», вспоминал: «Бартневу верили, ему несли целые семейные архивы, наследники Пуш-

кино именно ему доверили опубликовать бумаги великого поэта, и трудно назвать ту эпоху русской истории за два века, исследователем которой не был бы принужден обращаться к «Русскому архиву», как первоисточнику».

В 1859—1862 г. на собраниях Московского общества любителей Российской словесности П. И. Бартнев несколько раз выступал вместе с Львом Николаевичем Толстым.

Уже в 1863 году Толстой начинает прибегать к помощи издателя «Русского архива» в своих исторических изысканиях. Он становится прилежным и заинтересованным читателем бартневского журнала, приезжает в то самое здание Чертковской библиотеки, с которого мы начали рассказ, проводит там часы и дни, пишет Бартневу, получает от него книги и рукописи.

«В Чертковской библиотеке, — свидетельствует внук архивариуса, — дедушка познакомился и сблизился с графом Львом Николаевичем Толстым, для которого отбирал книги, к 12-му году относящиеся». Другой современный сообщает: «Первое издание «Войны и мира» вышло также при содействии редактора «Русского архива», который тщательно проделал всю корректуру этого произведения».

Достаточно заглянуть в именную указатель 90-томного издания произведений Л. Н. Толстого, чтобы убедиться, какое солидное место занимают там переписка с П. И. Бартневым и упоминания о Бартневе в письмах к другим лицам.

Как известно, многие сцены «Войны и мира» происходят на фоне старой классической Москвы.

Но на Москву падает и изрядная часть подготовки к писанию великого романа, здесь он был напечатан впервые. К появлению «Войны и мира» имеют причастность и бывшая Чертковская библиотека, и Петр Иванович Бартнев — знаменитый московский архивариус.

Н. РАБКИНА.

Толстой один из немногих классиков, чьи издания и их тиражи конкурируют на мировой арене с изданиями и тиражами массовой литературы. Автор «Войны и мира» один из самых читаемых писателей. Книги его переводятся на сотни языков и расходятся по всем уголкам планеты. Суждения о его произведениях, о его творчестве, споры о судьбах и значении художественного опыта Толстого как в наши дни, так и для будущего не только не ослабевают, но, пожалуй, становятся более и более активными. Выход в свет новых переводов его произведений всегда событие на книжном рынке и в Англии, и в Соединенных Штатах, и в Канаде, и в Японии. Одни художники, в том числе такие, как Р. Роллан, Мартен дю Гар, Томас Манн, Э. Хемингуэй и многие другие, говорят с искренним изумлением о колоссальных мирах, воссозданных великим романистом, о потрясающей творческой энергии их творца, другие отталкиваются от опыта писателя, настаивают на преходящем значении сделанного в прошлом веке для века нынешнего. Собственно, трудно было бы ждать других мнений и других реакций в отношении написанного великим русским реалистом и романистом от тех, кто упрямо твердит об умирании романа в наше время и о непригодности реалистического письма для воспроизведения коллизий и катаклизмов нынешней бурной эпохи.

В связи с этим нельзя не вспомнить ленинских слов о том, что эпоха выступила благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг в художественном развитии человечества. В них ключ ко многим дискуссионным проблемам.

Конечно, жизнь все время развивается, идет дальше, и простое приложение уже найденного в искусстве к происходящему не позволяет выявить и осмыслить то новое, чем характеризуется каждая последующая эпоха. И содержание, и динамика, и ритмы, и стиль жизни народов и континентов неудержимо меняются и интенсифицируются. Но значит ли это, что правы скептические и осторожные прогнозы о месте и значении творческого опыта Толстого, его наследия для современности?

И почему М. Горький, оставивший нам одно из самых замечательных своих произведений, удивительный литературный портрет Толстого, напряженно всю жизнь раздумывавший над феноменом Толстого и непреходящим значением сделанного этим сложным, противоречивым художником, так уверенно и так просто выразил главное: Толстой навсегда останется в нашей жизни, в нашей литературе, в мировой культуре?

На поставленные выше вопросы написаны и пишутся трактаты, книги, статьи. Но в рамках сегодняшних раздумий об этом хотелось бы подчеркнуть особо неисчерпаемость сделанного Толстым; сказать о принципиальной художественной бездонности его крупнейших произведений, остающихся вечно живыми и открывающихся все новыми и новыми своими сторонами. Каждый роман писателя — это целое мироздание. И в новых исторических контекстах обнаруживаются постоянно новые и новые стороны этих творений, их смысловое богатство, жизненное многообразие. Пафос «Вой-

ны и мира», открытый будущему эпilog этого романа как бы говорит: история и жизнь народа продолжаются. Они неисчерпаемы. В этих их реальной насыщенности и богатстве корни неисчерпаемого художественного богатства мира Толстого, его творческого опыта, его гуманизма, народности и его непримиримости ко всему тому, что стоит на пути к счастью как отдельного человека, так и целых народов, будь эти преграды царизм или социальное неравенство, истребительная война или мракобесие, эгоизм, бездуховность, внутреннее опустошение.

Толстой близок и нужен современному читателю, людям самого разного исторического, социального и национального опыта потому, что он показал «узел русской жизни» (М. Горький), опыт истории и опыт нравственных исканий человека.

Толстой — создатель непревзойденной художественной панорамы русской жизни. Только в «Войне и мире» им выведено более 500 персонажей, не считая участников массовых сцен. Но и эта, вряд ли кем-то превзойденная «населенность» толстовского романа, только верх огромной подводной части айсберга, опыта русской жизни, ставшей жизненным и художественным опытом самого писателя. Поистине астрономические величины возникают, если попытаться суммировать все конкретные данные о реальных лицах, о жизненных фактах и общественных явлениях, запечатленных в дневниках, письмах, записных книжках и зафиксированных в высказываниях писателя. Поразительна доскональность знаний писателем быта, нужд и надежд «стоимиллионного земледельческого народа», как писал Толстой, его обычаяв, его верований, предрассудков и его мудрости. Все это скрупулезно собиралось и фиксировалось писателем в его многочисленных каждодневных записях, возникало в разговорах. В жизни Толстого не было дня без знакомства с новым человеком, без внимательного взгляда в него.

Даже для записей природных явлений и погоды писатель заводил в 70-е годы специальную записную книжку, эпитаграфом к которой могла бы стать зафиксированная писателем народная присказка: у бога добра много.

И записи в этой книжке — свидетельство непрерывавшегося ни на минуту творческого процесса в сознании художника и удивительно пристального внимания к реалиям жизни. Когда писатель заносит скупые строки: «По липам как забрызганно — почка», или «В тени на зелени на лазоревых незабудках гуще лазорь», или «Сирень завострилась вверх цветами», или «Тепло, ясно, ветер. Твердеет зелень». — перед нами одновременно предстают и природа, и человек, чувствующий и понимающий ее, и художник, видящий мир особым, неповторимым и удивительно точным образом. Все, что знал хорошо Толстого или видел только раз в жизни, отмечают удивительный, глубокий, из-под густых бровей, навсегда запоминающийся его взгляд.

Можно смело сказать, что в творениях Толстого воссоздана не века увиденная этим взглядом — и добрым, и требовательным — вся Россия.

Н. ГЕЙ,
доктор филологических наук.

Г О Л О С , З В У Ч А Щ И Й Н А В Е С Ь М И Р

Произведения Льва Толстого еще при его жизни пользовались огромной популярностью не только в России, но и за рубежом. Его обличительный голос набатом звучал на весь мир. Ясную Поляну и московский дом писателя, где он жил зимой, осаждали паломники, сюда устремлялись корреспонденты многих русских и иностранных газет.

Что известно о многочисленных интервью Толстого? Какова их судьба? Этими вопросами заинтересовалась московский литературовед В. Лакшин.

— За последние двадцать пять лет жизни Л. Н. Толстого, — рассказывает ученый, — в русских и иностранных газетах появилось, как удалось установить, не менее 70 интервью и бесед с писателем.

Помимо представителей московских, петербургских, одесских и других русских газет, у Толстого побывали корреспонденты из Англии, Франции, Америки, Финляндии, Норвегии, Германии, Венгрии, Японии и других стран. Многие из их материалов, в свое время опубликованных в зарубежных газетах, никогда не переводились на русский язык и не перепечата-

лись. А между тем в них содержатся ценные подробности жизни писателя, неизвестные его высказывания.

Интервью и беседы с великим романистом — это не только короткие заметки о встречах, а часто подробные отчеты корреспондентов. Собранные вместе, они составят целую книгу.

(Корр. ТАСС).